

Л.А. Бондаренко*

L.A. Bondarenko*

Эвакуация гражданского населения из Сталинграда: по материалам устной истории**Evacuation of Civilians from Stalingrad: Based on Oral History**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-15

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-5-15

УДК 9.0.8

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Бондаренко Л.А. Эвакуация гражданского населения из Сталинграда: по материалам устной истории // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 176–186. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-15.pdf>

Bondarenko L.A. Evacuation of Civilians from Stalingrad: Based on Oral History // Historical Courier, 2020, No. 5 (13), pp. 176–186. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-15.pdf>

Abstract. The theme of evacuation of the population from Stalingrad is still one of the most difficult and painful for people who survived the battle of Stalingrad. The article attempts to consider how the evacuation of the population of Stalingrad was reflected in the oral history, how it relates to the data of science, what guided the people who made the decision to leave or stay in the warring city. For analysis the author took 90 memoirs-interviews published in the book “Children and war”, 4 audio interviews, recorded for the Museum “Children of Tsaritsyn-Stalingrad-Volgograd”, the memories of the employee of factory “Red October”, stored in its Museum. The data obtained were compared with the fundamental work on the fate of Stalingrad during the battle of the Volga – T.A. Pavlova’s monograph “the Secret tragedy of the civilian population in the battle of Stalingrad”. Numerous memories create a completely accurate picture of evacuation from Stalingrad: its spontaneous character, the desire of authorities primarily to save defense resources and the wounded, often sacrificing or saving after all the others, as the least valuable categories of population – women, children and the elderly. Mass evacuation began after August 23, 1942, when a multi-day massive bomb attack on the city began. The withdrawal of people from Stalingrad became extremely dangerous. Memories are full of descriptions of the death of many people during the crossing of the Volga, on the approaches to it and after. They reflect the motives of those who were forced to stay in the fighting city: the preference to die on the ground than during the crossing, the large number of children, the lack of relatives outside the city to whom you could go, the reluctance to leave one’s home. The spontaneity of evacuation under the conditions of constant bombardment of the city forced to sacrifice the disabled, sick or lost family members to save the rest. The population trapped in the war zone, if possible (subject to availability on ships) and as a gesture of goodwill of the military of different ranks, was taken out in order to remove a confounding factor in the conduct of hostilities and for the purpose of salvation.

Keywords: battle of Stalingrad; evacuation of population; oral history.

The article has been received by the editor on 03.07.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Тема эвакуации населения из Сталинграда до сих пор является одной из самых тяжелых и болезненных для людей, переживших Сталинградскую битву. В статье предпринята попытка рассмотреть, как отразилась эвакуация населения Сталинграда в устной истории, как это соотносится с данными науки, чем руководствовались люди,

* **Бондаренко Лилия Александровна**, музей «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда», Волгоград, Россия; Волгоградская станция детского и юношеского туризма и экскурсий, Волгоград, Россия, e-mail: muzeidetstva@yandex.ru

Bondarenko Lilya A., Museum “Children of Tsaritsyn-Stalingrad-Volgograd”, Volgograd, Russia; Volgograd Station of Juvenile Tourism and Excursions, Volgograd, Russia, e-mail: muzeidetstva@yandex.ru

принимавшие решение покинуть воюющий город или остаться в нем. Для анализа были взяты 90 воспоминаний-интервью, опубликованные в сборнике «Дети и война», четыре аудиоинтервью, записанные для музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда», воспоминания сотрудника завода «Красный Октябрь», хранящиеся в музее предприятия. Сопоставлялись полученные данные с фундаментальной работой о судьбе сталинградцев в период битвы на Волге – монографией Т.А. Павловой «Засекреченная трагедия гражданского населения в Сталинградской битве». Воспоминания, взятые во множестве, создают абсолютно достоверную картину эвакуации населения из Сталинграда: ее стихийный характер, стремление власти, прежде всего, спасти оборонные ресурсы и раненых, часто жертвуя (или спасая в последнюю очередь) как наименее ценными категориями населения – женщинами, детьми и стариками. Массовую эвакуацию стали проводить после 23 августа 1942 г., когда началась многодневная массированная бомбовая атака на город. Уход из Сталинграда стал для населения чрезвычайно опасным делом. Воспоминания полны описаниями гибели множества людей во время переправы через Волгу, на подходах к ней и после. Они отражают мотивы тех, кто вынужденно остался в воюющем городе: предпочтение погибнуть на земле, чем во время переправы, многодетность, отсутствие родственников за пределами города, к которым можно было бы уехать, нежелание покинуть свой дом. Стихийность эвакуации в условиях постоянной бомбардировки города заставляла жертвовать маломобильными, больными или потерявшими членами семьи для спасения остальных. Население, попавшее в зону боевых действий, по возможности (при наличии мест на судах) и доброй воле военных разных рангов, выводилось и с целью удаления фактора, мешающего проведению боевых действий, и с целью спасения.

Ключевые слова: Сталинградская битва; эвакуация населения; устная история.

Тема эвакуации населения из Сталинграда до сих пор является одной из самых тяжелых и болезненных для людей, переживших Сталинградскую битву. Их свидетельства, в каком бы количестве они ни брались, не могут быть репрезентативным источником по этой теме, тем более что многие из этих людей в тот период были детьми. Однако определенные общие черты и закономерности выявить позволяют. В данной статье предпринята попытка рассмотреть, как отразилась эвакуация населения Сталинграда в устной истории, как это соотносится с данными науки, чем руководствовались люди, принимавшие решение покинуть воюющий город или остаться в нем. Для анализа были взяты воспоминания, опубликованные в сборнике «Дети и война»¹, аудиоинтервью, записанные для музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда»², воспоминания П.Н. Спорышкова, сотрудника завода «Красный Октябрь», хранящиеся в музее истории «Красного Октября»³. Из 90 опубликованных в сборнике⁴ интервью жителей Сталинграда и Сталинградской области в 44 (49 %) эвакуация не упоминается вообще ни применительно к своей семье, ни к кому-либо другому. Наверняка в этой связи мы можем утверждать только то, что эти семьи по каким-то причинам попыток эвакуироваться не предпринимали. Вполне вероятно, что семьи этих людей или не были приглашены эвакуироваться вообще или возможность покинуть город по тем или иным причинам даже не рассматривали. В остальных интервью эвакуации уделено определенное, часто весьма существенное внимание.

¹ Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / под ред. М.А. Рыбловой; Южный научный центр Российской академии наук. Волгоград, 2014.

² Аудиоинтервью Детковой Н.М. // Фонды музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда»; Аудиоинтервью Чубарова Ю.Ф. // Фонды музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда»; Аудиоинтервью Суровой И.М. // Фонды музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда»; Аудиоинтервью Шевца М.М. // Фонды музея «Дети Царицына-Сталинграда-Волгограда».

³ Спорышков П.Н. Завод «Красный Октябрь» в годы Великой Отечественной войны. 1942 год // Музей завода-комбината «Красный Октябрь». НВФ № 524/3. С. 63–80.

⁴ Дети и война...

В некоторых воспоминаниях звучит, повторяясь почти дословно, утверждение, что эвакуации не было: «А в войну садики работали до последнего. В 1942-м году садик работал, никого не эвакуировали, кто-то, конечно, уезжал» (Лопалева С.М., 1937 г.р.)⁵, «По законам военного времени перевозили только раненых солдат, и всех людей бросили в Сталинграде. До этого кругом были огромные плакаты: «Мы не сдадим!», и мы эвакуации не подлежали. Тоже под страхом военного времени. Предатели» (Цивилёва Т.В., 1937 г.р.)⁶, «Нас никто не собирался эвакуировать» (Фалалеева Л.А., 1930 г.р.)⁷, «Нас же не выпускали из Сталинграда никуда. Пойдет мама на границу: “Нет! Без паники! Не паникуйте! Немец сюда не дойдет!” И мы тут остались. Потом бомбежка страшная была! Страшная!» (Ерёменкова Н.И., 1937 г.р.)⁸, «Организованной эвакуации не было» (Деткова Н.М., 1930 г.р.)⁹. Речь, конечно, шла не об эвакуации за все время Сталинградской битвы, а о фактическом отсутствии массового спасения людей до 23 августа 1942 г. – начала уничтожения города авиацией противника. Представление об отсутствии эвакуации очень цепко держится в сознании интервьюируемых. То, что данное представление является абсолютно точной констатацией реального положения, подтверждает Т.А. Павлова, серьезный исследователь трагедии гражданского населения в Сталинградской битве: «К 23 августа... Массовая эвакуация, которая могла бы спасти жизни тысяч мирных людей, так и не была начата»¹⁰.

Сведения о том, что город все же покидали некоторые категории населения и до 23 августа 1942 г., в отдельных воспоминаниях присутствуют: «...по мере приближения немцев к Сталинграду, в еврейских семьях началась паника. Многие не знали, как уехать и ехать ли, это в нашем дворе. Через некоторое время, я слышал, как мама говорила: “Виктор, смотри, соседи наши Шварцманы собираются уезжать, упаковали вещи, может быть и нам?”» (Коняхин К.В., 1934 г.р.)¹¹, «...война началась, все начали разъезжаться кто куда, а нас не отпускают с завода» (Дерюжкина З.Г., 1936 г.р.)¹², «В 1942-м году мама с нами поехала в Урюпинск, родственники там у нас были. Вот сестра там заболела и умерла. ... мы ее похоронили и возвратились в Сталинград» (Горкина В.И., 1934 г.р.)¹³, «Сначала отца туда (в Горький. – Л. Б.) отправили. А мы с матерью остались в Сталинграде» (Федосеев В.И., 1938 г.р.)¹⁴, «Завод эвакуировали, а папу оставили как лучшего специалиста по брони» (Розанова Л.В., 1937 г.р.)¹⁵, «А потом уже (официально выезда у нас из города не было) отца забрали на завод (тракторный. – Л. Б.). Когда завод эвакуировали на восток, отец вместе с заводом был эвакуирован на Урал и все военные годы он работал в Свердловске. А мать оставалась с нами» (Осадчий Г.Ф., 1934 г.р.)¹⁶, «А соседи наши уже эвакуировались в Саратов. А мы тут были» (Михайлина Т.И., 1932 г.р.)¹⁷, «Нас ...на машине на грузовой вот эти трехтонки довели до берега, сгрузили нас там (эвакуировали некоторое количество женщин с маленькими детьми накануне бомбежки 23 августа. – Л. Б.)» (Деткова Н.М., 1930 г.р.)¹⁸, «...госпитали, и в том числе 2102, где мама работала, эвакуировали 16 августа, а нас не посадили...» (Чубаров Ю.Ф., 1937 г.р.)¹⁹, «Туда, в Барнаул, пошел какой-то вагон с какими-то документами, разработками, м.б. танка, и сказали, что возьмут несколько семей.

⁵ Дети и война... С. 21.

⁶ Там же. С. 136.

⁷ Там же. С. 285.

⁸ Там же. С. 347.

⁹ Аудиоинтервью Детковой Н.М...

¹⁰ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005. С. 165.

¹¹ Дети и война... С. 45.

¹² Там же. С. 150.

¹³ Там же. С. 299.

¹⁴ Там же. С. 337.

¹⁵ Там же. С. 354.

¹⁶ Там же. С. 425.

¹⁷ Там же. С. 494.

¹⁸ Аудиоинтервью Детковой Н.М...

¹⁹ Аудиоинтервью Чубарова Ю.Ф...

И охрану нести, и кормили чтобы, и охраняли – самых проверенных. И конечно, жен вот этих вот ополченцев. Дядя Вася своих ... и они оказались в Барнауле», и о своей эвакуации: «Тут все соседи вышли: «Убегаете, а нас оставляете!» Тут неприятности всякие говорят. Мама их не слушает. Мама говорит, что там с оборудованием (завода «Красный Октябрь». – Л. Б.) идет эшелон. Вот она пристроилась» (Сурова И.М., 1936 г.р.)²⁰, «(Из города) кто как уезжал. Некоторые уехали и в мае месяце. И даже раньше уезжали. ... Вообще с «Красного Октября» 3 эшелона уходили конкретно. Но, первый эшелон, там людей было минимум, потому что увозили ферросплавы. А потом уже оборудование. Тут людей было больше. Они были... и в июле был эшелон, и в августе был эшелон. И последний эшелон – где-то перед нами» (Шевц М.М., 1932 г.р.)²¹. Петр Николаевич Спорышков (1904–1992), начальник центральной лаборатории металлургического завода «Красный Октябрь», в своих воспоминаниях отмечает, что с эвакуацией рабочих и их семей, а также гражданского населения поселка Красного Октября было несколько сложнее, чем с эвакуацией заводского имущества²². Благополучно смогли отправить в тыл только один эшелон семей работников завода в количестве 670 человек²³. Как видно из воспоминаний, уезжали самостоятельно и организованным порядком. По признанным наукой данным, в течение июля и 20 дней августа из Сталинграда было эвакуировано до 100 тыс. чел., из них сталинградцев – не более 35–40 тыс. человек²⁴. По воспоминаниям, видимо, самой многочисленной категорией целенаправленно эвакуированных до бомбардировки 23 августа 1942 г. были специалисты заводов. Причем часто их эвакуировали без семей.

Бомбардировка города, начавшаяся 23 августа и продолжавшаяся несколько дней, стала тем рубежом, что разделил жизнь сталинградцев на «до» и «после». Планомерное уничтожение города и его жителей создало те условия, в которых население предпринимало отчаянные попытки покинуть город.

П.Н. Спорышков констатирует, что с 24 августа эвакуация приобрела стихийный характер: «С утра 24 августа в завод («Красный Октябрь». – Л. Б.) никого не пускали. Люди толпами собирались у проходных ворот и ждали указаний, которых так и не поступило в последующие дни. Люди были предоставлены сами себе. Начавшаяся с утра 24 августа бомбежка завода и поселка привела к тому, что многие из работников завода по своему собственному усмотрению выезжали, главным образом, в Заволжье. На берегу Волги у переправы скопились сотни людей. Особенно в день 24 августа и первые дни. Люди всех возрастов шли на берег, бежали с малыми детьми, со своими узлами, чемоданами, корзинами, тележками, домашними животными, временами под непрекращающуюся бомбежку»²⁵. Автор воспоминаний приходит к выводу, что «...вместо плановой эвакуации рабочих и их семей процветала неувязка, т.к. вначале массивной бомбардировки города эвакуацией никто не руководил. Люди были предоставлены сами себе. Они разъезжались, растекались, кто куда мог. Так терялись квалифицированные кадры завода. Это было не только на заводе «Красный Октябрь», но и на других заводах города»²⁶. Но в начале сентября ситуация кардинально поменялась после того, как «...из Москвы поступило распоряжение краснооктябрьцев эвакуировать вместе с семьями на строительство нового Байкальского металлургического завода в городе Челябинске. Эвакуацией в начале сентября на заводе «Красный Октябрь» занимался заместитель наркома Черной металлургии СССР тов. Шереметьев Александр Григорьевич»²⁷. Эвакопункт был создан в г. Ленинске, другим местом сбора была станция Средняя Ахтуба, куда стекались люди, самостоятельно выбравшиеся из Сталинграда²⁸.

²⁰ Аудиоинтервью Суровой И.М...

²¹ Аудиоинтервью Шевца М.М...

²² Спорышков П.Н. Завод «Красный Октябрь»... С. 67.

²³ Там же. С. 63.

²⁴ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия... С. 165.

²⁵ Спорышков П.Н. Завод «Красный октябрь»... С. 69.

²⁶ Там же. С. 74.

²⁷ Спорышков П.Н. Завод «Красный октябрь»... С. 74–75.

²⁸ Там же. С. 75, 77.

После этого эвакуация краснооктябрюцев приняла целенаправленный характер: «На спасение людей поселка были брошены все силы на подвоз их к берегу Волги и переправы через реку. В эту работу были подключены службы завода, автоцех, ВОХР (военизированная охрана завода), пожарная команда, опергруппа УНКВД Краснооктябрьского района, милиция, работники МПВО, рабочие отряды и т.д. Все эти организации в течение всего сентября занимались поисками по щелям, бомбоубежищам и другим укрытиям людей гражданского населения и людей, подлежащих эвакуации в Челябинск. Найденным, всем, если надо было, оказывали медицинскую помощь, вывозили их на автомашинах на берег Волги, переправляли на всех доступных средствах на левый берег. На берегу Волги и на переправе наблюдали за порядком бойцы военизированной охраны завода и работники опергруппы УНКВД. За Волгой также работали грузовые машины автоцеха завода по доставке рабочих и их семей в Ленинск, подлежащих для их эвакуации в Челябинск»²⁹. Право быть эвакуированными получили семьи погибших работников тракторного завода: «...по заданию (секретаря РК партии) Кашенцева С.Е. в первых числах сентября мастер стана 750 коммунист Кусмарцев А.И. также занимался сбором в поселке кадровых рабочих завода. ... А также семьи погибших на тракторном товарищеском батальоне, подвозил всех их на берег Волги, где катером «Сталь» они перевозились на левый берег»³⁰. В течение сентября в Ленинске было сформировано и отправлено в Челябинск пять эшелонов³¹. «Таким образом, на Урал и город Челябинск было эвакуировано примерно 5 тысяч человек, из них только одних рабочих около 2 тысяч»³². Исследователь Т.А. Павлова приводит другое соотношение: до 5 тысяч рабочих и служащих и только немногим более 3 тыс. членов их семей³³. Это действительно отражает логику проводившейся эвакуации: «... в первую очередь вывозились квалифицированные кадры, инженерно-технические работники и молодые рабочие, не имевшие собственной семьи...»³⁴ Анализируя проводившуюся эвакуацию, Т.А. Павлова приходит к выводу, что население Сталинграда было разбито на различные категории: дети-сироты, военнообязанные, подростки, рабочие и служащие с членами семей, семьи железнодорожников, работников НКВД, милиции и т.д., которые вывозились отдельно друг от друга³⁵. Работники заводов с семьями, военнообязанные и подростки в совокупности и составляли большую часть эвакуированного из города населения³⁶. Таким образом, попасть в организованные властями категории сталинградцев, подлежащих обязательной эвакуации, суждено было далеко не всем жителям города.

Решение Сталинградского Городского комитета обороны об эвакуации в Заволжье женщин и детей, принятое 24 августа, по мнению Т.А. Павловой, было вызвано не необходимостью спасения жизни наиболее незащищенной части жителей, не способной принять участие в укреплении обороны Сталинграда, а возросшими трудностями обеспечения населения продовольствием³⁷. Анализируя принятые решения, она приходит к выводу, что в Сталинграде задача вывоза всех жителей не ставилась³⁸. Этот вывод подтверждают многочисленные свидетельства.

Рассматриваемые воспоминания не отражают организованности в спасении населения, чаще всего это – стихийное бегство жителей из города. Большинство попытались уйти самым коротким путем – переправиться через Волгу: «Сколько мы пробыли в этих норах, я не знаю. Помню, как горела Волга. После того, как бомбежки прекратились, и после того,

²⁹ Спорышков П.Н. Завод «Красный октябрь»... С. 75.

³⁰ Там же. С. 77.

³¹ Там же. С. 79.

³² Там же. С. 80.

³³ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия... С. 222.

³⁴ Там же. С. 221–222.

³⁵ Там же. С. 228.

³⁶ Там же. С. 240.

³⁷ Там же. С. 222.

³⁸ Там же. С. 225.

как Волга прогорела, мы спустились к берегу. Мама рвалась переправиться на пароходе на тот берег» (Лопалева С.М., 1937 г.р.)³⁹.

Стремление выехать из горящего и разрушенного города наталкивалось на серьезные препятствия: «После той бомбежки (23 августа. – Л. Б.) поднялся вопрос о том, что нужно уезжать. А пропуска нет. Мать ходила по каким-то учреждениям... Когда мама получила пропуск на себя и на меня, что-то собрали, поплакали, прощались. ...Далее спустились вниз, и там куча дебаркадеров, и везде то транспорт какой-то, то ... возня идет вовсю. И мама смотрела, когда у них посадка. Когда она подходила к двухпалубному кораблю, военный сказал: «Нет. Грузим раненых» (Мамонтов В.И., 1936 г.р.)⁴⁰, «А потом, когда немцы стали заходить к нам сюда, нас, значит, всех повели на Волгу. Мама с двумя детьми, одно дите в руке, а меня за руку. Повели нас, хотели за Волгу отвезти. Там грузили паром целый, а маму не погрузили с двумя детьми. Говорят, мол, людей много там, вам даже сесть негде с детьми» (Самохина С.Н., 1938 г.р.)⁴¹, «Когда мы пришли на эту переправу, стоял большой пароход. И вот этот пароход заселялся, все начальство со своими семьями, со своим скарбом, все. А такие, как мы с мамой, мы стояли в стороне. Мы ненужные были. Вот погрузились они на этот корабль, потом стали всех прогонять, никого не пускают, солдаты все кружили» (Стрельцова В.И., 1935 г.р.)⁴², «Когда мы подошли к Волге, то оказалось, что там людей очень много. Все свои бежали к Волге... Нас остановили и сказали: «Время военное. Перевозить будем ночью или днем только раненых солдат. Вы разворачивайтесь». Мы, как ни просили: лодку купим, мы там то, мы там се, к барже цепляли и вот туда – нам отказали» (Цивилёва Т.В., 1937 г.р.)⁴³, «А когда здесь шли бои, нас хотели эвакуировать за Волгу. Многих переправили, а нам сказали, что семья большая» (Феклистова А.В., 1929 г.р.)⁴⁴, «И мы, когда до берега добежали, а переправа закончилась. Гражданское население запретили перевозить на другую сторону – нужно было перевозить туда раненых, а оттуда снаряды. И мы, много нас было, мы остались на берегу» (Лучкова З.Ф., 1934 г.р.)⁴⁵, «Утром встаем, знаем, что нас эвакуировать будут. Три солдата, старики в форме, приходят и говорят матери: «Сегодня мы вас не можем эвакуировать. На завтра будет все по-новому, перевозить раненых в первую очередь» (Калачёв И.Ф., 1930 г.р.)⁴⁶, «Этот пароход (под госпиталь. – Л. Б.) объявили боевой единицей. А раз боевая единица – какие дети... О чем речь? Здесь все просто. На боевую единицу не пускали. ...Но на этот пароход все равно проникли люди, у которых были дети мелкие. Они через иллюминатор. И потом удивлялись, откуда дети взялись? Но, а дядя Лёня (15-ти лет. – Л. Б.), куда ему? Мне можно было еще как-нибудь просунуть. Короче говоря, мы так и не уехали» (Чубаров Ю.Ф., 1937 г.р.)⁴⁷. При всем разнообразии сюжетов можно выделить следующие препятствия, с которыми довольно часто сталкивалось население при эвакуации: бюрократические: отсутствие разрешения для выезда из города, объявление плавсредства боевой единицей, с вытекающим запретом на пребывание гражданских лиц; технические: недостаток мест на судах; рациональные: приоритет раненых над остальным гражданским населением, т.к. спасение раненых – потенциальных воинов воюющему государству было важнее, чем невоюющих женщин, стариков и детей; номенклатурные: спасение «начальников», «своих» как социально близких категорий населения или имеющих возможность организовать собственное спасение отдельно от основной массы населения. Именно женщины, старики и дети в стремлении покинуть горящий город проигрывали более полезным государству категориям граждан, которых вывозили в первую очередь: прежде всего раненым, специалистам,

³⁹ Дети и война... С. 19.

⁴⁰ Там же. С. 30.

⁴¹ Там же. С. 76.

⁴² Там же. С. 115.

⁴³ Там же. С. 136.

⁴⁴ Там же. С. 167.

⁴⁵ Там же. С. 387.

⁴⁶ Там же. С. 434.

⁴⁷ Аудиоинтервью Чубарова Ю.Ф.

«начальникам» и другим. Т.А. Павлова считает, что никакой отдельной эвакуации женщин и детей не проводилось. В условиях бомбардировки и подготовки города к уличным боям эвакуация городского населения не носила гуманитарного характера, т.к. ее главной целью было спасение не мирных жителей, а людских оборонных ресурсов⁴⁸. В итоге мирных жителей было эвакуировано 49,3 %⁴⁹. В этой связи интересно утверждение П.Н. Спорышкова: «Всего же за Волгу из 78 тысяч населения поселка вывезено около 30 тысяч человек. Подавляющее большинство это женщины, дети и старики»⁵⁰. Это противоречило тому, что он рассказывал об эвакуации, и его же утверждению, что среди населения, которое не эвакуировалось, были, в основном, «люди пожилого возраста, одинокие, многодетные, больные и люди, питавшие надежду на скорейшее завершение этой битвы и т.д.»⁵¹. Видимо, это было попыткой придать эвакуации тот самый гуманитарный характер, который она не имела.

Воспоминания отражают типичные мотивы людей, принимавших решение отказаться от эвакуации. Нередко именно возникшие трудности на переправах служили причиной отказа от дальнейших попыток покинуть город, но гораздо чаще в воспоминаниях причиной такого решения был страх погибнуть во время самой переправы. Почти во всех свидетельствах описывается гибель судов с гражданским населением и тот ужас, что переживали оставшиеся на берегу. Выбирая между большой вероятностью погибнуть с детьми при переправе или гибелью в городе, многие женщины выбирали последнее: «Пароход этот горит, вокруг трупы валяются. Стонут, крики. Откуда-то народ стал подходить. Мать сказала: «Не надо, пошли назад» (Мамонтов В.И., 1936 г.р.)⁵², «...а когда уже пришли на переправу, то увидели, как разбомбили пароход с теми, кто решил переправиться. Тогда мама сказала: «Лучше умрем на земле». И мы пошли назад. Берег весь был усеян ранеными» (Овчинникова З.Н., 1931 г.р.)⁵³, «Паромчик пошел и дошел до половины, куда везли, и его взорвали. Немцы налетели, прям черная туча шла, и они стреляли в этот паром. И все погибли люди эти. И моя мама говорит: «Нет, никуда мы не поедem! Погибать – так в своем доме!» И вернулись пешком, опять на Дар-гору. В свой дом сели» (Самохина С.Н., 1938 г.р.)⁵⁴, «И вот отошел этот пароход, налетел немец, и он разбомбил этот пароход, и не подпустил ни одной лодки спасти людей. Сверху из пулеметов они стреляли. Это было что-то страшное, и в то время они нас на берегу расстреливали. Мы залезли, были какие-то бревна там, что-то еще было. ... И вот когда он бомбил этот пароход, он разбомбил эти нефтяные баки... На нас еще и нефть полилась горячая. Это был ужас какой-то! Крик, стон. Ничего не поймешь. И вдруг среди этого мама расслышала голос, который призывал: “Кто на Тракторный?” ... они прихватили, кого сумели, и повезли нас снова на Тракторный» (Стрельцова В.И., 1935 г.р.)⁵⁵, «И отправился плот – буквально 10–15 метров и юнкерс немецкий, и как начал этот плот расстреливать на ваших глазах!... Он расстрелял и летит на нас. И он летит, я ему в глаза смотрю! ...И он развернулся и на элеватор полетел. Нас не стал расстреливать. А мама тогда еще ногой стукнула и говорит, когда еще начал расстреливать: “Я лучше на земле умру, чем в воде!” И мы повернулись и пошли» (Топольскова Е.Я., 1933 г.р.)⁵⁶, «Военные машины уже стояли под окном и тех, кто не успел переправиться, сажали в эти машины. Так было и с нами. Посадили в эти машины и повезли на переправу. А там была такая бомбежка, что пароходы, баржи тонули, люди кричали, плакали, крики детей. Бомбили Волгу, и это было настолько страшно, что мы не стали переправляться. Пришли домой» (Сячина З.М., 1930 г.р.)⁵⁷.

⁴⁸ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия... С. 240–241.

⁴⁹ Там же. С. 241.

⁵⁰ Спорышков П.Н. Завод «Красный октябрь»... С. 80.

⁵¹ Там же. С. 71.

⁵² Дети и война... С. 30.

⁵³ Там же. С. 41.

⁵⁴ Там же. С. 76.

⁵⁵ Там же. С. 115.

⁵⁶ Там же. С. 245.

⁵⁷ Дети и война... С. 288.

В Кировском, южном, неоккупированном районе города, особенности эвакуации были иные. Она носила явный спланированный и систематический характер: «...в короткий срок в Заволжье были вывезены почти все рабочие завода № 264, одного из самых крупных в городе. К 19 сентября в основном закончилась эвакуация кадров завода № 91 и их семей»⁵⁸. Но население часто не рассматривало эвакуацию как путь к спасению, и поэтому остаться в городе для некоторых женщин было предпочтительнее, чем его покинуть: «...Потом эвакуация начиналась, мама не хотела уезжать... У нас был участковый... Я помню его, что он с наганом ходил и ее искал. Мама пряталась, не хотела уезжать. Говорит: “Я пропаду с этими дитями”. Ну, конечно, один одного меньше. “Я пропаду. Пусть немец придет и на родной земле и убьет, но я никуда не поеду”. А ему дали, видимо задание, и он ее искал. ... Так вот, как узнают они, ну, многие прятались, не хотели уезжать» (Суховерова (Крицкая) Т.В., 1936 г.р.)⁵⁹, «...когда война началась, стали бомбить и хотели нас эвакуировать. Мы сбежали из школы – кто в окно, кто в дверь... Машина подъехала и забирала детей, чтобы спасти. Но мы остались здесь. У нас семья большая была, и мы остались. Все время были здесь» (Феклистова А.В., 1929 г.р.)⁶⁰, «Помню, мы сидели на барже, ждали эвакуацию. Мы прятались, чтобы не эвакуироваться. Мать пряталась. Вот отца оставляли, так как он был рабочий. Мы здесь жили, если бы завода не было, то и нам беда была бы. Но завод существовал, все-таки рабочие работали, там военные были. Танки делали ...калили борта, а для этого использовали горчичное масло и олифу. И отец носил это горчичное масло» (Дорофеев А.А., 1930 г.р.)⁶¹.

Примечательно, что именно наличие большой семьи, как правило, многодетной, было причиной отказа предоставить места на судне и нередко определяло самостоятельный выбор остаться в городе, как в воюющих, так и прифронтовых районах города: «После бомбежки начали переправлять людей за Волгу. Те, кто успел переправиться, они переправились, а мы такой большой семьей куда уедем?» (Сячина З.М., 1930 г.р.)⁶², «У мамы была годовалая дочка Римма, брат мой (1935 года) и я. Вечером к нам подошел какой-то генерал и говорит: «Женщина, а почему вы здесь (в балке на Возрождении. – Л. Б.), на передовой линии и почему вы не уезжаете?» Мама сказала: “Я не знаю, куда мне с такими детьми?” (Безрукова В.В., 1932 г.р.)⁶³. О наличии подобных случаев говорит и Т.А. Павлова⁶⁴.

Отказ от эвакуации мог быть вызван и тем, что за пределами города не было родственников, к которым можно было бы приехать: «Мы остались. А нам эвакуироваться никуда было. Сказали: 24 часа. И потом мы посидели на этих узлах, а потом разобрали их. То ли обстановка разрядилась, то ли еще что...» (Костина Т.Л., 1938 г.р.)⁶⁵, «Многие после начала войны эвакуировались куда-то, потому что боялись. Кто-то в сельскую местность или еще куда-то, а у нас здесь и бабушка с дедушкой, и маленькая девочка, ну куда нам вроде бы уходить?» (Вехова В.П., 1935 г.р.)⁶⁶, «Офицер ... сказал: “Вы должны уехать сегодня”. “Но нам никуда ехать”. “Но вы здесь погибнете”. Вечером. В 12-м часу, нас привезли на Волгу» (Шапошникова П.Ф., 1928 г.р.)⁶⁷.

Отказ эвакуироваться мог быть также спровоцирован нежеланием покинуть свой дом, даже если уход обещал спасение: «А до этого, прежде чем немцы вошли в Сталинград, [звали нас] наши родственники из Бекетовки – дедушка здесь жил с детьми. И он говорит: «Сходите за Клавдией, заберите детей, а то там немцы хотят захватить Сталинград». Они пошли – тетя Аня и тетя Маня – по берегу, потому что по городу идти было нельзя – немцы

⁵⁸ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия... С. 222.

⁵⁹ Дети и война... С. 98.

⁶⁰ Там же. С. 166.

⁶¹ Там же. С. 446.

⁶² Там же. С. 288–289.

⁶³ Там же. С. 471.

⁶⁴ Павлова Т.А. Засекреченная трагедия... С. 229.

⁶⁵ Дети и война... С. 258.

⁶⁶ Там же. С. 390.

⁶⁷ Там же. С. 504.

заезжали. И они пошли к ней пешком. Пешком шли отсюда до Дар-горы. ... Пришли, стали ее звать, когда немцев еще не было, мол, поехали в Бекетовку, там, может, такого не будет, и все родственники там... А она говорит: “Никуда я не поеду из своего дома!” И вот поэтому она осталась...» (Самохина С.Н., 1938 г.р.)⁶⁸.

Спешная эвакуация нередко приводила к осознанному разрыву семьи, потере близких: «...бабушка сказала: “Я не поеду. Я здесь жила, я похоронила сыновей и мужа. Я отсюда не поеду, как хотите!” Старшие сказали: “Мы тоже с тобой останемся”. Когда мама получила пропуск на себя и на меня, что-то собрали, поплакали, прощались» (Мамонтов В.И., 1936 г.р.)⁶⁹, «С 24-го августа по 13-е сентября мы ждали, что Галя придет. Конечно, отец искал ее кругом, по знакомым своим. И так ее и не нашли, потерялась девочка. А 13-го сентября мы взяли, что могли, продукты скудные и пошли. Бабушка, которая нас нянчила, лежала больная. Она жила вместе со своей сестрой. Но мы туда почему-то не дошли, и они там остались. Потом их эвакуировали, а бабушка эта осталась и лежала в таком состоянии, что не могла двигаться» (Фалалеева Л.А., 1930 г.р.)⁷⁰, «...Ночью 25 августа прибежал отец ... Он велел быстро собираться для переправки за Волгу. Должны были отправить большой пароход. А у нас брат пропал, и мать сообщила об этом отцу. Брат бежал на Дар-гору к бабушке. Но мы не знали тогда, куда деваться, решили ехать без него» (Дементьев, С.М., 1937 г.р.)⁷¹, «...Дедушка не смог в Астрахань уехать – не выпускали. И на берегу он с лодочниками хотел договориться как-нибудь перебраться на ту сторону, а потом он поедет. Так он не смог. И он жил у Василия в квартире. И заболел. ...в общем, обессилел... Дедушка там и остался» (Сурова И.М., 1936 г.р.)⁷², «Старшие навзрыд плакали: “Без мамы не поедем!” Мы ж не знали, мы думали, может, придет (из больницы. – Л. Б.). ... нас насильно выгнали...» (Шевц М.М., 1932 г.р.)⁷³. Вынужденное жертвование одним членом семьи (потерявшимся или немобильным) для того, чтобы спасти остальных, лежало в основе таких решений.

Оставшееся в городе гражданское население затрудняло проведение боевых действий, могло быть использовано противником для разведывательной работы. Тогда людей, не попавших в эвакуацию, по возможности выводили из зоны боевых действий военные: «Сколько мы там жили, месяц, два или три, я не помню, но уже была осень, конец сентября или начало октября. И в одну прекрасную ночь ... нас разбудили солдаты и сказали: “Мать, собирай своих детей и быстренько на баржу”. ... Ночью повели на эту баржу и стали переправлять нас на левый берег Волги. И уже перед рассветом... нас высадили на острове, который был посреди Волги напротив Красного Октября. (Начался обстрел и погибло много людей. – Л. Б.) ... нас потом подобрали солдаты и переправили нас с острова в Красную Слободу» (Осадчий Г.Ф., 1934 г.р.)⁷⁴, «(Генерал)... побеспокоился, чтобы нас ночью вывезли за Волгу. ... Страшное событие, когда нас вели под ружьем к Волге, чтобы мы не убежали назад. Мы должны были переправиться на последнем пароходе. ...Мы переправлялись в полной темноте, в дыму. ... Нас переправили не на остров, а на землю, и мы дальше шли пешком, нас подхватывали на машине солдаты» (Безрукова В.В., 1932 г.р.)⁷⁵, «Однажды мы сидели в большом чужом окопе. Туда спустились два человека из нашей разведки. ... Я говорю: “Дяденька, я жить хочу”. Он говорит: “Мы вас спасем. Кто из вас полезет, кто хочет спастись?” ... И так мы ползли: их человек десять и нас трое. Мы оказались в середине, чтобы не разбежаться. ...Но как мы ползем! По горячей земле, обгоревшим домам, перебежали, перелезали через них, но все ползли. И вот дошли мы до Бакинской, представь себе, с площади Ленина до Бакинской ползли! Нас спустили в окоп, где у них находился штаб. ...Они дали нам каши, и вдруг команда. ...Оказывается, начался

⁶⁸ Дети и война... С. 77.

⁶⁹ Там же. С. 30.

⁷⁰ Там же. С. 285.

⁷¹ Там же. С. 460.

⁷² Аудиоинтервью Суевой И.М.

⁷³ Аудиоинтервью Шевца М.М.

⁷⁴ Дети и война... С. 425.

⁷⁵ Там же. С. 471–472.

рукопашный бой. Он шел вокруг нашего окопа» (Растова Л.В., 1932 г.р.)⁷⁶, «И потом нас переправили. (Находились в зоне действий 13 гв. стр. дивизии. – Л. Б.) Там очень много людей было. ... Нас, конечно же, тех, кто с детьми и, конечно же, дети, особенно одиночные, их срочно переправляли на тот берег. В то время беспокоились именно о детях, которые остались здесь. А они оставались. И многие оставались действительно здесь в зоне боевых действий. Ну, и нас переправили ночью» (Чубаров Ю.Ф., 1937 г.р.)⁷⁷, «...два раза приходили военные: “Обстановка сложная. Близко немец. Давайте уезжайте!” Всех выгнали просто. А мы: “Не поедem!” (Ждали мать, лежавшую в больнице. – Л. Б.) Сидели. Потом пришел какой-то офицер. Начал орать. И на отца накричал. Говорит: “Что такое, ты взрослый! Береги детей! Спасай детей!” Он сказал: “Вот будет вечером баржа специально для эвакуации. Приходите”. И он, между прочим, нас посадил. Сначала пустили пленных немцев ... человек 30, а потом раненых, а потом с детьми. Но, нагрузили много. Все хорошо было» (Шевц М.М., 1932 г.р.)⁷⁸. О том, что население необходимо эвакуировать с помощью военных, сообщает 21 сентября 1942 г. в своей докладной записке и зам. начальника УНКВД Сталинградской области. Жители мешают боевым действиям, особенно в Баррикадном и Краснооктябрьском районах: ходят по воюющему городу в поисках продуктов. Он предлагает создать в Краснооктябрьском районе 2 заградпоста, чтобы прекратить массовое хождение граждан по линии обороны, а руководству района и заводов обеспечить население продовольствием⁷⁹, последнее в условиях боевых действий было нереальным. Таким образом, удаление населения из зоны боевых действий проводилось «по возможности» уже военными.

Воспоминания, взятые во множестве, создают абсолютно достоверную картину проходившей эвакуации населения из Сталинграда: ее стихийный характер, стремление власти, прежде всего, спасти оборонные ресурсы и раненых, часто жертвуя (или спасая в последнюю очередь), как наименее ценными категориями населения – женщинами, детьми и стариками. Эвакуация, начавшаяся после 23 августа 1942 г., была для населения чрезвычайно опасным событием. Воспоминания полны описаниями гибели множества людей во время переправы через Волгу, на подходах к ней и после. Они отражают мотивы тех, кто вынужденно остался в воюющем городе: предпочтение погибнуть на земле, чем во время переправы, многодетность, отсутствие родственников за пределами города, к которым можно было бы уехать, нежелание покидать свой дом. Стихийность эвакуации в условиях постоянной бомбардировки города заставляла жертвовать маломобильными, больными или потерявшимися членами семьи для спасения остальных. Население, попавшее в зону боевых действий, по возможности (при наличии мест на судах) и доброй воле военных разных рангов выводилось и с целью удаления мешающего фактора проведению боевых действий, и с целью спасения.

Литература

Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / под ред. М.А. Рыбловой; Южный научный центр Российской академии наук. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 512 с.

Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 593 с.

⁷⁶ Дети и война... С. 500.

⁷⁷ Аудиоинтервью Чубарова Ю.Ф.

⁷⁸ Аудиоинтервью Шевца М.М.

⁷⁹ Докладная записка начальнику УНКВД Сталинградской области старшему майору госбезопасности Воронину зам. начальника УНКВД Сталинградской области в 21 сентября 1942 г. // Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф. 10. Д. 93. Л. 10.

References

Pavlova, T.A. (2005). *Zasekrechennaya tragediya: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoy bitve* [Classified tragedy: civilians in the battle of Stalingrad]. Volgograd, Peremena. 593 p.

Ryblova, M.A. (Ed.). (2014). *Deti i voyna: Stalingradskaya bitva i zhizn v voennom Stalingrade v vospominaniyakh zhiteley goroda* [Children and war: the battle of Stalingrad and life in the defense of Stalingrad in the memoirs of residents of the city]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANHiGS. 512 p.

Статья поступила в редакцию 03.07.2020 г.